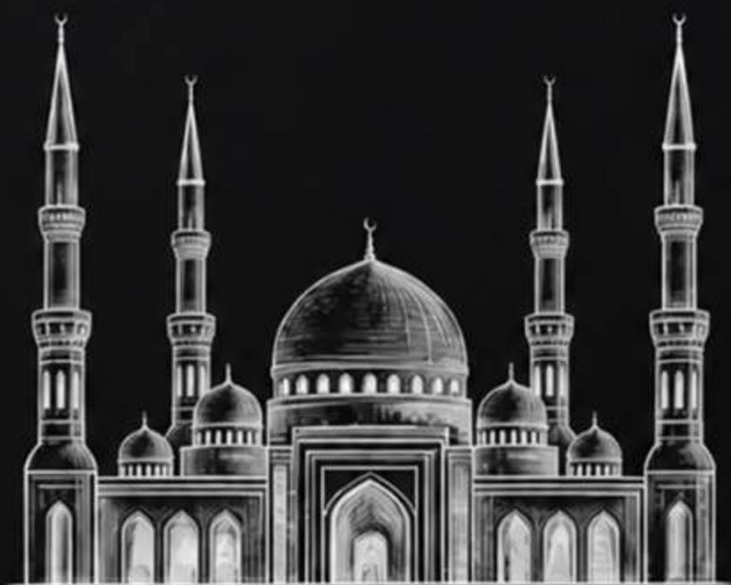

автор: ибрахим абу джаафар альбулянди

История ислама.

том 5..сельджукское государство

1037 по 1194 г

вплоть до наших дней

суннизм

История ислама (вплоть до наших дней)

Ибрахим Шитик

История ислама. Том 5

«Автор»

2026

Шитик И.

История ислама. Том 5 / И. Шитик — «Автор»,
2026 — (История ислама (вплоть до наших дней))

История ислама, том 5 (вплоть до наших дней) великое сельджукское
государство 1037 по 1194 г

Содержание

Слово автора	6
Глава первая. Огузы и человек по имени Сельджук	7
1. Народ степи	7
2. Обращение и первые столкновения	8
Глава вторая. Данданакан: держава Газневидов теряет Хорасан	9
1. Столкновение с Газневидами	9
2. Решающая битва	10
Глава сороковая. Судьба Газневидов после Данданакана	11
1. Держава, отступившая, но не исчезнувшая	11
2. Окончательный конец Газневидов	12
Глава третья. Тугрил-бек идёт на Багдад	13
1. Покорение Персии	13
2. Вступление в Город Мира	14
Глава тридцать седьмая. Подробности приёма Тугрил-бека у халифа	15
1. Церемония в диване халифа	15
2. Символика дарованных одеяний	16
Глава четвёртая. Мятеж Ибрахима Инала и последний брак Тугрил-бека	17
1. Восстание единокровного брата	17
2. Брак с дочерью халифа	18
Глава пятая. Алп-Арслан, «Храбрый лев»	19
1. Восшествие на престол	19
2. Утверждение власти на западных рубежах	20
Глава шестая. Манцикерт: день, изменивший карту двух миров	21
1. Византийский поход возмездия	21
2. Ход сражения	22
3. Встреча победителя и пленника	23
Глава седьмая. Гибель льва	24
1. Поход на Мавераннахр	24
2. Последние слова султана	25
Глава восьмая. Малик-шах и «Книга о правлении»	26
1. Восшествие юного султана	26
2. Чему учил Низам аль-Мульк	27
Глава сорок третья. «Сиясат-наме»: завещание государственной мудрости	28
1. Книга, написанная по просьбе султана	28
2. Главный завет старого визиря	29
Глава сорок четвёртая. Два имени на одной монете	30
1. Хутба и чеканка как знаки власти	30
2. Практическая гибкость этой системы	31
Глава девятая. Сеть Низамийских медресе	32
1. Замысел всеимперской образовательной системы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ибрахим Шитик

История ислама. Том 5

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

ТОМ ПЯТЫЙ

Держава турок-сельджуков: от степей Центральной Азии до врат Константинополя

Составил раб Аллаха

Ибрахим Абу Джаафар аль-Буланди

да простит его Аллах и его родителей

Слово автора

Хвала Аллаху, Господу миров, Который возносит одни народы и низводит другие по Своей мудрости, и мир и благословение Пророку Мухаммаду, печати пророков, его роду и его сподвижникам.

Дорогой брат, дорогая сестра по вере. В четвёртом томе этого труда мы рассказали историю Аббасидского халифата — от его возвышения до горького падения Багдада, — и обещали тебе в конце того тома, что пятый том будет посвящён отдельно и подробно державе, которую мы там упомянули лишь мельком: державе турок-сельджуков, тех самых, что в 1055 году вошли в Багдад и вернули суннитскому исламу реальную политическую силу после долгого унижения властью персидских эмиров-Буидов.

История сельджуков, брат мой, — это история удивительного превращения: горстка кочевых тюркских племён, ещё недавно поклонявшихся духам степи и лишь недавно принявших ислам, менее чем за столетие создала державу, простёршуюся от границ Китая до самого Средиземноморья, вернула суннитскому миру единство и порядок, дала умме таких зодчих государственности, как Низам аль-Мульк, и таких учёных, как Омар Хайям, — а затем, подобно многим державам, чью историю мы уже рассказали, погрузилась в раздор между собственными принцами и в конечном счёте угасла, оставив, впрочем, живое наследие в виде Румского султаната в Анатолии, из земель которого, много позже, вырастет держава османов.

Я постараюсь, как и прежде, писать эту книгу честно — не скрывая грехов даже самых прославленных сельджукских султанов, не преувеличивая и не преуменьшая их заслуг, ссылаясь, где это возможно, на классические мусульманские источники — прежде всего на труды Ибн аль-Асира, ар-Раванди, ас-Субки, а также на сам «Сиясат-наме» Низама аль-Мулька, дошедший до нас из его собственных рук. Прошу Аллаха, чтобы этот труд был искренним ради Его лика и полезным для тебя, читающий эти строки. А теперь — начнём, с именем Аллаха.

Глава первая. Огузы и человек по имени Сельджук

1. Народ степи

Чтобы понять, откуда пришла держава, о которой мы будем рассказывать на протяжении этого тома, необходимо, брат мой, обратиться к огромным степным пространствам к северу от Аральского моря и низовьев Сырдарьи, где на рубеже десятого века кочевали тюркские племена, известные под именем огузов. Огузы, разделённые на множество родов, вели типичный для степных народов образ жизни — скотоводство, сезонные перекочёвки, военная организация, основанная на родоплеменных связях, — и в массе своей ещё исповедовали древние тюркские верования, хотя ислам уже проникал к ним через торговые и культурные связи с соседними мусульманскими землями Хорезма и Мавераннахра.

Именно из числа вождей огузского племени кынык происходил человек, давший своё имя всей будущей державе, — Сельджук ибн Дукак. По преданию, сохранённому персидскими и арабскими хронистами, Сельджук в конце десятого века находился на службе у одного из хазарских или огузских правителей, но затем откочевал со своим родом в область Дженда в низовьях Сырдарьи, где он и его ближайшие последователи приняли ислам — событие, ставшее поворотным для всей последующей истории его потомков.

2. Обращение и первые столкновения

Обращение Сельджука и его рода в ислам, брат мой, не было простой формальностью: оно означало разрыв с прежними родоплеменными религиозными обычаями и вхождение в широкую семью уммы, что, в свою очередь, определило и последующую политическую ориентацию его потомков — они стали естественными союзниками мусульманских правителей Мавераннахра против немусульманских кочевников степи, а затем, обретя собственную силу, и самостоятельной военно-политической силой на службе, а затем и во главе исламского мира.

Сыновья и внуки Сельджука — среди которых наибольшую известность приобрели его сын Микаил и внуки Микаила, Тугрил-бек и Чагры-бек, — продолжали кочевать в приграничных областях между державой Караханидов в Мавераннахре и державой Газневидов в Хорасане, то поступая к ним на военную службу в качестве наёмных отрядов, то вступая с ними в конфликт, по мере того как численность и сила огузских родов, следовавших за домом Сельджука, постепенно росла.

Мы видим, таким образом, брат мой, что сельджукская держава, чью историю мы будем рассказывать на протяжении этого тома, зародилась отнюдь не как результат завоевательного похода извне против ислама, а как органичное усиление уже мусульманского по вере тюркского рода, постепенно от службы у соседних мусульманских правителей перешедшего к собственной, независимой и в конечном счёте определяющей роли в судьбах всего исламского Востока.

Глава вторая. Данданакан: держава Газневидов теряет Хорасан

1. Столкновение с Газневидами

К началу одиннадцатого века внуки Сельджука, Тугрил-бек и его брат Чагры-бек, возглавили значительно усилившееся объединение огузских родов, известное теперь как туркмены-сельджуки, и вступили в прямое противостояние с могущественной державой Газневидов, правившей в это время Хорасаном, Афганистаном и северной Индией под властью султана Махмуда Газневи, а затем его сына Масуда.

Первоначально сельджукские вожди пытались договориться с газневидскими правителями о праве кочевать и пасти свои стада в пределах Хорасана в обмен на признание газневидского сюзеренитета, но растущая численность и сила туркменских родов, а также неспособность или нежелание газневидской администрации должным образом урегулировать эти отношения, привели к постепенному нарастанию открытого конфликта.

2. Решающая битва

Решающее сражение произошло в мае 1040 года у крепости Данданакан в Хорасане, где сельджукское войско Тугрил-бека и Чагры-бека нанесло сокрушительное поражение куда более многочисленной, но измотанной долгим маршем через безводную местность армии султана Масуда Газневи, оснащённой к тому же обременительным для манёвренных действий обозом боевых слонов. Победа при Данданакане, по свидетельству персидского хрониста Байхаки, современника и очевидца этих событий, оставившего одно из наиболее подробных описаний упадка газневидской державы, фактически передала весь Хорасан под власть сельджуков в течение считанных месяцев после битвы.

Сразу после этой победы, согласно преданию, сохранённому позднейшими хронистами, Тугрил-бек и Чагры-бек были провозглашены своими соратниками правителями (по-персидски — маликами) завоёванных земель, а Тугрил-бек, как старший из братьев, принял также титул султана — «обладающего властью», — с этого момента начав отправлять хутбу (пятничную проповедь) уже от собственного имени в подвластных ему землях Хорасана, что стало первым зримым признаком рождения новой самостоятельной державы.

Мы должны, брат мой, отметить, сколь стремительным было это возвышение: от полукочевого племенного союза, ещё недавно просившего разрешения пасти скот на окраинах чужой державы, сельджуки за считанные годы после Данданакана превратились в хозяев одной из богатейших областей исламского Востока — Хорасана, того самого края, что дал умме, как мы рассказали в предыдущем томе, само Аббасидское движение, а также таких учёных, как имам аль-Бухари. Аллах, поистине, отдаёт власть, кому пожелает, и отнимает её, у кого пожелает, не спрашивая на то соизволения самих правителей.

Глава сороковая. Судьба Газневидов после Данданакана

1. Держава, отступившая, но не исчезнувшая

Мы уже рассказали о сокрушительном поражении, которое сельджуки под предводительством Тугрил-бека и Чагры-бека нанесли Газневидам при Данданакане в 1040 году, лишив эту прежде могущественную державу её главных владений в Хорасане. Стоит, однако, сказать несколько слов и о дальнейшей судьбе самих Газневидов, ибо, вопреки этому тяжелейшему поражению, их держава отнюдь не исчезла полностью с исторической карты, но, отступив на юго-восток, в Афганистан и северную Индию, продолжала своё существование ещё более полутора столетий.

Газневидские правители, лишившись Хорасана, сосредоточили свои усилия на удержании и расширении индийских владений, продолжая начатую ещё их великим предком, султаном Махмудом Газневи, традицию завоевательных походов вглубь Индийского субконтинента, — деятельность, имевшая долговременное значение для истории самой Индии, поскольку именно через эти газневидские завоевания ислам утвердился на северо-западе индийских земель как прочная политическая и культурная сила, подготовив почву для последующего возникновения там ещё более значительных мусульманских держав, включая Делийский султанат.

2. Окончательный конец Газневидов

Ослабленная газневидская держава, удерживавшая после Данданакана лишь восточные, преимущественно афганские и северо-индийские владения, в конечном счёте пала уже не от рук сельджуков, а от рук другой возвышавшейся в это время в Афганистане тюрко-афганской силы — Гуридов, взявших и разрушивших в 1151 году газневидскую столицу Газни, а окончательно покончивших с этой некогда могущественной династией лишь в 1186 году, взятием последнего оплота Газневидов в индийском Лахоре.

Мы приводим здесь эту краткую историю позднейшей судьбы Газневидов, брат мой, чтобы дать более полную картину той эпохи в целом: поражение при Данданакане, сколь бы решающим оно ни было для судьбы Хорасана и для последующего возвышения сельджуков, не означало мгновенного и полного исчезновения побеждённой державы, — Газневиды, подобно многим иным мусульманским династиям, чью историю мы рассказываем в этом цикле книг, сумели найти новое поле для собственной государственности, продолжая распространять ислам и мусульманскую культуру на новых землях ещё на протяжении более полутора веков после того, как их прежние западные владения были безвозвратно утрачены в пользу новой сельджукской силы.

Глава третья. Тугрил-бек идёт на Багдад

1. Покорение Персии

После победы при Данданакане Тугрил-бек, оставив брату Чагры-беку управление Хорасаном, обратил своё оружие на запад, последовательно покоряя один персидский город за другим — Нишапур, Рей, Исфахан, — где местные правители, по большей части, признавали его власть без серьёзного сопротивления, устрешённые славой недавней победы над Газневидами и предпочитавшие мирное подчинение разрушительной войне.

К началу 1050-х годов власть Тугрил-бека простиралась уже над большей частью Персии, вплотную приблизившись к границам Ирака, где, как мы подробно рассказали в предыдущем томе, аббасидский халиф аль-Каим би-Амри-Лях томился под властью слабеющей и раздираемой внутренними распрями династии Буидов.

2. Вступление в Город Мира

В 1055 году Тугрил-бек, по приглашению самого халифа, обеспокоенного бесчинствами последнего буидского правителя Багдада аль-Малика ар-Рахима и его военачальников, вступил в город без серьёзного сопротивления, положив тем самым конец более чем столетнему буидскому владычеству, о котором мы подробно рассказали в четвёртом томе. Персидский хронист ар-Раванди, чей труд «Рахат ас-Судур» остаётся одним из ценнейших источников по ранней сельджукской истории, сообщает, что халиф аль-Каим принял Тугрил-бека с большими почестями, даровав ему пышные титулы и облачение, символизирующее передачу ему функции защитника и меча халифата.

По преданию, сохранённому несколькими хронистами, на торжественном приёме Тугрил-бек, представ перед халифом, произнёс слова покорности и обещания служить делу ислама и защите его священной столицы, на что халиф, по этому же преданию, ответил благословением и молитвой о том, чтобы Аллах даровал победу его оружию против врагов веры, — обмен любезностями, ставший символическим актом рождения новой формулы власти в исламском мире: халиф как духовный и легитимирующий глава уммы, султан — как реальный носитель военной и политической силы, действующий от его имени.

Мы уже рассказали об этой формуле в предыдущем томе применительно к судьбе самого аббасидского халифата, но здесь, брат мой, стоит взглянуть на то же событие с другой стороны — со стороны самих сельджуков, для которых вступление в Багдад и получение султанского титула из рук халифа стало не просто военным триумфом, но и религиозным освящением их власти, превратившим вчерашних кочевников-огузов в законных, признанных всей суннитской уммой защитников веры и порядка.

Глава тридцать седьмая. Подробности приёма Тугрил-бека у халифа

1. Церемония в диване халифа

Стоит рассказать подробнее о самой церемонии, которой сопровождалось признание Тугрил-бека султаном в 1055 году, ибо персидские и арабские хронисты сохранили немало любопытных деталей об этом историческом событии. По свидетельству Ибн аль-Асира, Тугрил-бек, прежде чем предстать перед халифом аль-Каимом, трижды совершил земной поклон в направлении халифского дворца — жест, призванный подчеркнуть религиозное почтение сельджукского вождя к сану повелителя правоверных, невзирая на то, что реальная военная сила в этот момент находилась целиком в руках самого Тугрил-бека.

Халиф, согласно этому же преданию, принял Тугрил-бека, восседая за занавесом, как того требовал строгий придворный этикет аббасидского двора, и обратился к нему через посредство визиря с речью, в которой благодарил Аллаха за избавление уммы от притеснений буидских эмиров и призывал нового защитника ислама неукоснительно следовать нормам справедливости и шариата в своём правлении. Тугрил-бек, в свою очередь, по этому же преданию, торжественно поклялся в верности делу защиты халифата и суннитской веры от любых врагов, будь то внешних или внутренних.

2. Символика дарованных одеяний

По завершении этой церемонии халиф даровал Тугрил-беку почётные одеяния (хилат) и несколько знамён — практика, глубоко укоренённая в исламской традиции символической передачи власти и легитимности от вышестоящего сюзерена к признаваемому им вассалу, восходящая ещё к более ранним векам исламской истории. Среди дарованных титулов, по свидетельству источников, значился и титул «Царь Востока и Запада» — пышное, хотя во многом ещё авансовое на тот момент обозначение, поскольку сама держава Тугрил-бека в 1055 году ещё не простиралась ни до подлинного Востока, ни тем более до подлинного Запада в том смысле, в каком она достигнет этих пределов лишь при его преемниках.

Мы приводим эти подробности, брат мой, не из простого любопытства к придворному церемониалу, но потому, что сама эта церемония 1055 года заложила ту самую формулу отношений между халифом и султаном, о которой мы уже неоднократно говорили на страницах этой книги, — формулу, которой предстояло определить политическое устройство большей части суннитского исламского мира на многие последующие столетия, вплоть до самого упразднения халифата в двадцатом веке, о котором мы рассказали в предыдущем томе.

Глава четвёртая. Мятеж Ибрахима Инала и последний брак Тугрил-бека

1. Восстание единокровного брата

Утверждение сельджукской власти в Багдаде далось Тугрил-беку не без внутренних потрясений в собственном роду. Уже в 1058 году его единокровный брат Ибрахим Инал, наместник в западной Персии, поднял мятеж, воспользовавшись временным отсутствием Тугрил-бека, занятого делами на востоке державы, и на короткое время сумел даже занять сам Багдад, вступив в союз с остатками буидских сторонников и некоторыми недовольными элементами при дворе халифа.

Тугрил-бек, спешно вернувшись с войском, разгромил силы своего брата и, по свидетельству хронистов, применил к нему суровое, хотя и соответствовавшее степным тюркским обычаям того времени наказание, избегающее пролития крови сородича, — Ибрахим Инал был задушен тетивой лука, а не казнён обычным для того времени способом. Этот эпизод, брат мой, служит нам первым, но далеко не последним предвестием того самого порока внутривластного раздора, что будет преследовать сельджукскую державу на протяжении всей её последующей истории и в конечном счёте станет одной из главных причин её распада, о чём мы расскажем в надлежащее время.

2. Брак с дочерью халифа

Утвердив свою власть после подавления мятежа, Тугрил-бек, уже в преклонном возрасте, добился от халифа аль-Каима руки его дочери — брак, призванный ещё теснее связать сельджукский дом с самим родом Аббасидов и укрепить религиозную легитимность новой династии. Переговоры об этом браке, по свидетельству ар-Раванди и Ибн аль-Асира, были непростыми: халиф и его окружение поначалу проявляли значительную сдержанность перед лицом подобного альянса с недавно ещё кочевым тюркским родом, но в конечном счёте политическая необходимость сохранения покровительства сельджукского султана взяла верх над этими колебаниями, и брак состоялся в 1063 году.

Однако сам Тугрил-бек скончался вскоре после этого брака, в том же 1063 году, не оставив прямого наследника мужского пола, что немедленно поставило вопрос о престолонаследии в новорождённой державе — вопрос, разрешившийся в пользу его племянника Алп-Арслана, сына Чагры-бека, который и стал следующим сельджукским султаном, о чём славном и в то же время трагически завершившемся правлении мы расскажем в следующей главе. Мы должны отметить, брат мой, что сама эта первая передача власти в сельджукском доме — от дяди к племяннику, минуя прямых наследников, — прошла на удивление мирно, в отличие от куда более кровавых кризисов престолонаследия, что ожидали эту династию в последующих поколениях.

Глава пятая. Алп-Арслан, «Храбрый лев»

1. Восшествие на престол

Алп-Арслан, сын Чагры-бека, унаследовавший державу своего дяди Тугрил-бека в 1063 году, вошёл в историю под этим прозвищем, означающим «храбрый лев», — прозвищем, которое он вполне заслужил как своей личной воинской доблестью, так и решительностью в управлении быстро растущей державой. Одним из первых его решений стало назначение визирем молодого, но уже проявившего выдающиеся государственные способности перса Абу Али аль-Хасана ат-Туси, более известного нам под почётным титулом, дарованным ему позднее самим Алп-Арсланом, — Низам аль-Мульк, «Устроитель державы», — человека, чьё имя, как мы уже знаем из предыдущего тома, останется навсегда связано с самой блестящей эпохой сельджукской истории.

Назначение перса-администратора визирем при тюркском по происхождению султанском доме, брат мой, отражает важную и устойчивую закономерность, которую мы уже отмечали применительно к более ранним эпохам мусульманской истории: завоеватели-кочевники, обладавшие военной силой, но не имевшие собственного опыта в сложном деле управления оседлым, многонаселённым и экономически развитым государством, неизменно обращались за административными кадрами к персидской бюрократической традиции, восходящей ещё к временам доисламских Сасанидов и продолженной чередой персидских династий и чиновничьих родов на протяжении всей исламской эпохи.

2. Утверждение власти на западных рубежах

На протяжении первых лет своего правления Алп-Арслан занимался прежде всего утверждением сельджукской власти в западной части унаследованной им державы — в Азербайджане, Армении и Грузии, где местные христианские правители и остатки византийского влияния оказывали определённое сопротивление, но были последовательно приведены к подчинению или заключению вассальных соглашений.

Именно эти кампании в Закавказье, брат мой, привели сельджукское войско в непосредственное соприкосновение с границами Византийской империи, чьи восточные владения в Армении и Анатолии оказались теперь под прямой угрозой сельджукских набегов, — процесс, кульминацией которого станет решающее столкновение при Манцикерте в 1071 году, о котором мы подробно расскажем в следующей главе. Уже к концу 1060-х годов сельджукские отряды регулярно совершали набеги в глубь византийской Анатолии, вынуждая константинопольский двор всерьёз задуматься об организации решительного отпора этой новой, стремительно растущей угрозе на восточных границах империи.

Глава шестая. Манцикерт: день, изменивший карту двух миров

1. Византийский поход возмездия

В 1071 году византийский император Роман IV Диоген, стремясь раз и навсегда покончить с сельджукской угрозой на восточных границах империи, собрал одно из крупнейших войск, какое Византия выставляла за много предшествующих десятилетий, включавшее, помимо собственно византийских частей, значительные контингенты наёмников — печенегов, узов, франкских и норманнских рыцарей, а также отряды из числа армянских вассалов империи. С этим войском император выступил в глубь Армянского нагорья, намереваясь отвоевать у сельджуков ряд пограничных крепостей, включая Манцикерт (Малазгирт).

Алп-Арслан, находившийся в это время с частью своего войска в Сирии, узнав о движении столь значительных византийских сил, спешно вернулся на восток и, по свидетельству арабского хрониста Ибн аль-Асира, чей подробный рассказ об этой битве остаётся одним из важнейших источников для мусульманской стороны, попытался прежде решающего столкновения предложить императору мирные условия через посредство послов, — предложение, отвергнутое Романом Диогеном, уверенным в превосходстве собственных сил.

2. Ход сражения

Сражение, произошедшее 26 августа 1071 года близ Манцикерта, развивалось по классическому для степной тюркской тактики сценарию, уже неоднократно применявшемуся тюркскими и монгольскими войсками в различные эпохи: сельджукская конница, значительно уступавшая византийскому войску в численности прямого столкновения, применила манёвр ложного отступления, увлекая тяжёлую византийскую конницу и пехоту в погоню вглубь неблагоприятной для них местности, одновременно осыпая наступающих стрелами с флангов и постепенно изматывая их ряды.

Решающую роль в исходе битвы, по свидетельству ряда источников, сыграло и предательство или, по крайней мере, преждевременный и не согласованный с основными силами отход резервного корпуса византийского войска под командованием Андроника Дуки, представителя соперничающей с императором придворной группировки в Константинополе, — отход, оставивший главные силы Романа Диогена без поддержки в критический момент сражения и во многом предопределивший последующий разгром. Сам император, сражавшийся до последнего в окружении немногих оставшихся при нём воинов, был в конечном счёте пленён сельджуками.

3. Встреча победителя и пленника

Мы уже рассказали в предыдущем томе о том великодушии, которое Алп-Арслан проявил по отношению к плененному императору, — освободив его на определённых условиях вместо казни или унижительного публичного пленения, вопреки обычной практике куда более жестокого обращения с плененными монархами, распространённой в ту эпоху. Договор, заключённый между Алп-Арсланом и Романом Диогеном, предусматривал значительный выкуп, ежегодную дань и уступку нескольких пограничных крепостей, но, как мы уже упоминали, по возвращении в Константинополь сам Роман Диоген был свергнут собственными придворными соперниками и ослеплён, а новое византийское правительство отказалось признавать условия договора, заключённого низложенным императором.

Этот отказ, брат мой, имел для Византии куда более тяжкие последствия, нежели соблюдение самого договора: не связанные более никакими договорными обязательствами, сельджукские отряды и примкнувшие к ним туркменские племена в последующие годы беспрепятственно расселились по всей центральной и восточной Анатолии, полностью изменив этническую и религиозную карту региона, остававшегося прежде преимущественно греко-христианским на протяжении многих веков после первых арабских завоеваний. Именно это стремительное заселение Анатолии, начавшееся непосредственно после Манцикерта, подготовило почву для возникновения того самого Румского султаната, чью историю мы подробно расскажем в отдельной части этой книги, — государства, которому в конечном счёте суждено было стать колыбелью ещё более могущественной мусульманской державы, османов.

Глава седьмая. Гибель льва

1. Поход на Мавераннахр

Год спустя после своего величайшего триумфа при Манцикерте, Алп-Арслан обратил внимание на восточные рубежи своей державы, где местный правитель крепости на реке Амударье, некий Юсуф аль-Хорезми, отказался покориться сельджукской власти. Алп-Арслан лично выступил с войском для приведения этого правителя к покорности — поход, который, вопреки всем прежним победам этого прославленного полководца, обернулся для него самого роковым исходом.

По свидетельству Ибн аль-Асира и других хронистов, после взятия крепости пленённый Юсуф аль-Хорезми был приведён к султану для допроса, и в ходе этой встречи, когда стража, по обычаю проявляя почтение к персоне столь высокого пленника, ослабила бдительность, Юсуф внезапно бросился на Алп-Арслана с спрятанным кинжалом и нанёс ему смертельную рану, прежде чем сам был немедленно зарублен подоспевшей стражей.

2. Последние слова султана

Персидские хронисты сохранили предание о последних словах умирающего Алп-Арслана, обращённых, по этому преданию, к приближённым: он будто бы сказал, что во всех своих многочисленных походах и сражениях против могущественных врагов Аллах даровал ему победу, но здесь, в момент, когда он менее всего ожидал опасности, недооценив одного-единственного пленника, он был сражён насмерть, — слова, которые персидская историографическая традиция впоследствии часто приводила как назидательный пример того, сколь обманчива бывает уверенность в собственной безопасности даже для величайших из полководцев, и сколь ничтожна порой причина, определяющая исход человеческой судьбы, если такова воля Аллаха.

Алп-Арслан скончался от полученной раны в ноябре 1072 года, процарствовав менее десяти лет, но оставив своему сыну и преемнику Малик-шаху не просто обширную, но хорошо устроенную державу, во многом благодаря неустанным трудам визиря Низама аль-Мулька, — державу, которой предстояло достичь при Малик-шахе высшей точки своего расцвета, прежде чем погрузиться, как мы расскажем далее, в череду смут и распрей после смерти этого следующего великого сельджукского султана.

Глава восьмая. Малик-шах и «Книга о правлении»

1. Восшествие юного султана

Малик-шах унаследовал престол своего отца Алп-Арслана в 1072 году в возрасте всего восемнадцати лет, и на протяжении практически всего последующего двадцатилетнего правления подлинным устроителем и вдохновителем государственной политики оставался опытный визирь Низам аль-Мульк, чей авторитет и влияние на дела державы к этому времени уже далеко превосходили обычные полномочия визиря, делая его фактическим соправителем молодого султана.

Именно в эти годы Низам аль-Мульк, по настоятельной просьбе, а по некоторым сведениям, и по прямому поручению самого Малик-шаха, составил свой знаменитый труд «Сиясат-наме» («Книга о правлении», известную также как «Сияр аль-Мулюк»), — систематическое изложение принципов справедливого и эффективного государственного управления, ставшее одним из важнейших памятников мусульманской политической мысли на протяжении всех последующих веков.

2. Чему учил Низам аль-Мульк

«Сиясат-наме» представляет собой сборник наставлений правителю, изложенных через множество исторических примеров, притч и рассказов о деяниях прежних царей — как мусульманских, так и доисламских персидских правителей, чей опыт Низам аль-Мульк считал полезным для управления державой, если он не противоречит нормам шариата. Центральной темой труда является идея о том, что подлинное благополучие державы зиждется на справедливости (адль) правителя по отношению к подданным, на строгом надзоре за деятельностью чиновников и наместников через систему тайных осведомителей (что перекликается с уже упомянутой нами в предыдущем томе системой дивана аль-барид времён Аббасидов), а также на разумном балансе между различными группами при дворе, дабы ни одна из них не приобрела чрезмерного, угрожающего самому трону влияния.

Низам аль-Мульк уделял в своём труде особое внимание и вопросам, непосредственно касающимся религии: он настаивал на необходимости строгого преследования еретических учений, в частности исмаилитов-низаритов, чью растущую активность в его собственное время, как мы расскажем в отдельной главе, он справедливо расценивал как серьёзнейшую угрозу единству и безопасности суннитской державы, — предостережение, оказавшееся, к несчастью, пророческим применительно к его собственной судьбе.

Мы должны, брат мой, отметить, сколь ценным источником остаётся этот труд не только для понимания политической мысли сельджукской эпохи, но и для понимания самой личности его автора — человека, соединившего в себе государственную мудрость с искренней заботой о благополучии подданных и о торжестве суннитской ортодоксии, — качества, которые, как мы увидим далее, снискали ему уважение современников, но и навлекли на него смертельную вражду его непримиримых противников.

Глава сорок третья. «Сиясат-наме»: завещание государственной мудрости

1. Книга, написанная по просьбе султана

Мы уже не раз упоминали труд Низама аль-Мулька «Сиясат-наме» («Книга о правлении»), но само это сочинение заслуживает более подробного рассмотрения, ибо оно остаётся одним из важнейших памятников мусульманской политической мысли, дошедших до нас от той эпохи. Составленный по прямой просьбе самого Малик-шаха, пожелавшего иметь ясное руководство по вопросам государственного управления, этот труд представляет собой собрание из полусотни глав, посвящённых самым разным сторонам искусства правления — от организации разведывательной службы и почтовой сети до правил поведения на приёме послов и принципов справедливого налогообложения.

Низам аль-Мульк, составляя свой труд, щедро иллюстрировал излагаемые им принципы примерами из истории прежних персидских и мусульманских правителей — Сасанидов, Газневидов, ранних Аббасидов, — используя эти исторические анекдоты как назидательные притчи, призванные наглядно показать юному, по меркам своего огромного опыта, султану, к каким последствиям приводит несправедливое правление, пренебрежение советом мудрых людей или чрезмерное доверие к нечестным приближённым.

2. Главный завет старого визиря

Центральной идеей всего труда, брат мой, проходящей через самые разные его главы, остаётся убеждение в том, что подлинная сила и долговечность державы зиждется не на одной лишь военной мощи, а прежде всего на справедливости правителя (адль) по отношению к своим подданным, на его личной ответственности перед Аллахом за судьбу вверенных ему людей и на готовности выслушивать честный совет, даже когда он неприятен для слуха самого повелителя.

Низам аль-Мульк прямо предупреждал в своём труде о опасности чрезмерного возвышения любой отдельной группы или клана при дворе в ущерб общему благу державы — предупреждение, которое, как показала последующая история, оказалось пророческим применительно к его собственной судьбе: как мы уже рассказали, сам престарелый визирь пал жертвой именно того рода дворцовых интриг и соперничества влиятельных придворных группировок, от опасности которых он сам настойчиво предостерегал своего повелителя на страницах этого труда.

«Сиясат-наме» остаётся, брат мой, живым напоминанием о том, что подлинная политическая мудрость познаётся не только в успехах, но и в честном осмыслении собственных ошибок и опасностей, — труд, написанный человеком, который сам стоял у кормила огромной державы на протяжении трёх десятилетий и знал цену как государственной мудрости, так и человеческой неблагодарности и зависти лучше, чем кто-либо иной из его современников.

Глава сорок четвёртая. Два имени на одной монете

1. Хутба и чеканка как знаки власти

Мы уже рассказали в предыдущем томе о том разделении духовной и мирской власти между халифом и султаном, что установилось после прихода Тугрил-бека в Багдад в 1055 году, — стоит объяснить подробнее, как именно это разделение проявлялось в двух главных зримых атрибутах суверенной власти того времени: пятничной проповеди (хутба) и монетной чеканке (сикка). По установившемуся обычаю, имя правящего аббасидского халифа неизменно упоминалось в пятничной хутбе по всей суннитской части сельджукской державы прежде имени самого султана, что подтверждало формальное духовное первенство халифа как законного главы всей суннитской уммы.

Точно так же на монетах, чеканившихся в сельджукских владениях, обычно помещались оба имени — сперва имя халифа, а затем имя правящего султана с его почётными титулами, — практика, зримо выражавшая ту самую формулу двойной легитимности, о которой мы уже говорили: духовная санкция исходит от халифа, тогда как реальная военная и административная власть принадлежит султану.

2. Практическая гибкость этой системы

Важно, однако, понимать, брат мой, что на практике сельджукские султаны, обладая подавляющим военным превосходством над практически безоружным аббасидским халифом, редко испытывали серьёзные затруднения в получении от него любых желаемых титулов и санкций: халиф аль-Каим, а затем и его преемники неизменно жаловали Тугрил-беку, Алп-Арслану и Малик-шаху всё новые почётные звания — «султан Востока и Запада», «опора веры» и тому подобные, — как только очередной сельджукский правитель изъявлял в этом заинтересованность, что делало саму санкцию халифа скорее ритуальным подтверждением уже свершившегося факта военного могущества, нежели реальным инструментом контроля над действиями султана.

Тем не менее, брат мой, сам факт сохранения этого ритуала — необходимости получения формального признания от багдадского халифа для полной легитимности власти в глазах суннитской уммы — свидетельствует о том, сколь глубоко идея единого духовного главенства дома Аббасидов оставалась укоренена в политическом сознании эпохи, даже несмотря на то что сама реальная власть халифов, как мы подробно показали в предыдущем томе, была к этому времени уже давно и полностью подчинена военной силе сменявших друг друга эмиров и султанов. Эта система двойной легитимности — духовной санкции халифа и военно-политической власти султана — останется характерной чертой большей части исламского Востока вплоть до самого монгольского завоевания, когда, как мы уже рассказали в предыдущем томе, сам институт багдадского халифата будет физически уничтожен, а сельджукская держава к тому времени давно уже прекратит собственное существование.

Глава девятая. Сеть Низамийских медресе

1. Замысел всеимперской образовательной системы

Мы уже упоминали в предыдущем томе об основании Низамом аль-Мульком знаменитых Низамийских медресе, но теперь, поскольку эта книга посвящена собственно сельджукской державе, стоит рассказать об этой образовательной сети куда более подробно, ибо она по праву считается одним из величайших и наиболее долговременных по своим последствиям достижений всего сельджукского периода. Низам аль-Мульк, движимый как искренним благочестием, так и трезвым государственным расчётом, распорядился об основании подобных медресе не в одном лишь Багдаде, но по меньшей мере в десяти крупнейших городах державы — Нишапуре, Исфахане, Мерве, Герате, Балхе, Басре, Мосуле и других, — создав таким образом первую в истории ислама по-настоящему единую, централизованно финансируемую сеть высшего религиозного образования, охватывающую практически всю территорию огромной сельджукской державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.